

ВИНЕ МЕИР

СНЕВЕСТА
ДЛЯ
ПРОКЛЯТОГО ПРИНЦА

Вине Меир

Невеста для проклятого принца

<https://litres.ru/74616024>

Аннотация

«Если судьба дает тебе лимоны — требуй объяснений. Если судьба дает тебе старого мужа — беги к проклятому принцу. Если у тебя хватило наглости ворваться в его замок — не удивляйся, что он посмотрит на тебя как на безумную. Но дневник матери не врет: мой отец мне не отец, а этот красавчик с разными глазами — теперь часть моей истории. Осталось выяснить, какой именно...»

Содержание

Глава 1	4
Визуал. Серена Верлен	12
Глава 2	13
Глава 3	18
Глава 4	23
Глава 5	28
Арт. Глава 5	36
Глава 6	37
Глава 7	42
Визуал. Адриан Винтерфельд	49
Глава 8	50
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Глава 1

Я была рождена в высшем свете. Хорошо ли мне было? О, это как посмотреть. С одной стороны, меня растили как цветков. Бесконечные уроки этикета, музыки, искусства, выходы в свет на балы для будущих невест. Но с другой... быть дочерью герцога, состоящего в высшем совете правящих семей страны – значит, что рано или поздно тебя выдадут замуж за какого-нибудь старика.

Мое имя Серена Верлен. Звучит красиво, не правда ли? Как музыкальный перезвон или шелест дорогого шелка. Именно так меня представляли на балах, и юные графы, затаив дыхание, склонялись к моей руке. Они видели лишь обертку: золотистые локоны, уложенные в замысловатую прическу, талию, затянутую в корсет так туго, что перехватывало дыхание, и глаза цвета весеннего неба, которые я научилась делать пустыми и покорными. Но внутри, под этой фарфоровой маской, бушевал настоящий вулкан.

Мне было всего восемнадцать. Возраст, когда мир должен распахивать двери, а не захлопывать их перед носом. Вместо этого отец, чье лицо всегда напоминало застывшую маску высокомерия, объявил как-то за ужином:

— Поздравляю, дочь. Ты обручена, — сказал он тоном, каким объявляют о повышении налогов.

Вилка звякнула о фарфоровую тарелку так, словно пыта-

лась предупредить меня о катастрофе. Я замерла, кусок запеченного фазана застрял где-то посередине горла, отказываясь двигаться ни вверх, ни вниз.

— Простите? — переспросила я, надеясь, что мне послышалось. Может, это проклятое вино герцогского погреба ударило в голову? Или у отца наконец-то случился солнечный удар в его вечно сумрачном кабинете?

— Ты глухая? — Отец даже не поднял взгляда от своего бокала, рассматривая рубиновую жидкость на свет. — Свадьба через месяц. Будешь выходить за графа Эдгара Рошфора. Он, конечно, вдовец, но это даже к лучшему — опытная женщина ему ни к чему.

Мать промокнула губы салфеткой и посмотрела на меня с выражением, которое, видимо, должно было означать «радуйся, дурочка». Выглядело это так, будто ей самой только что сообщили, что любимую собаку придется усыпить.

— Графа Рошфора? — переспросила я, пытаюсь нащупать хоть какие-то воспоминания. — Того, которому... эм... сколько?

— Семьдесят два, — любезно подсказала мать, и мне показалось, или в ее голосе промелькнула искренняя жалость? — Но он очень бодр для своего возраста! В прошлом месяце сам доехал до охотничьего домика, без помощи слуг.

— Говорят, правда, что на коляске, — уточнил отец, и я не поняла, пытается ли он защитить честь будущего зятя или просто добить меня.

У меня внутри все похолодело. Семьдесят два. Ему семьдесят два, а мне восемнадцать. Разница в пятьдесят четыре года. Мы могли бы быть... прапрадедушкой и правнучкой? Даже страшно представить, сколько у него уже было жен. И сколько из них пережили этот брак.

— Но папенька, — я попыталась изобразить ангельскую улыбку, хотя внутри меня разрывало от ярости. — Я еще так молода. Может, есть кто-то... помоложе? Может, виконт Красс? Или... маркиз Верн.

— Маркиз разорился, — отрезал отец. — Виконт Красс — безродный выскочка, его дед торговал свиньями. А граф Рошфор владеет тремя золотыми рудниками и северными землями, которые граничат с горным хребтом, где по слухам живет какой-то проклятый ублюдок императора.

Я моргнула.

— Проклятый ублюдок императора? — переспросила я, чувствуя, как уголок губ дергается в нервном тике. — Папенька, вы хотите сказать, что я буду спать по соседству с вампиром? Это должно меня успокоить? Потому что звучит это так, будто вы пытаетесь продать мне платье с молю, уверяя, что моля — это новая модная текстура.

Отец побагровел. Всегда багровел, когда я позволяла себе слишком умные речи. Видимо, в его идеальном мире дочери должны были кивать, улыбаться и не задавать вопросов, особенно тех, на которые у него не было внятных ответов.

— Ты будешь жить в столице, — отрезал он. — Граф

Рошфор — уважаемый член Совета. Его земли на севере — лишь часть владений. Основное поместье находится в полчаса езды от дворца. Так что никаких гор, никаких проклятых принцев и никакой ерунды в твоей хорошенькой голове.

— Но вы только что сами сказали про проклятого...

— Я сказал «по слухам», — рывкнул он. — А слухи — это удел сплетниц и горничных. Ты будешь графиней и будешь вести себя соответственно.

Мать тактично кашлянула в салфетку, что на нашем семейном языке означало: «Заткнись, пока он не отправил тебя в монастырь прямо в подвенечном платье».

И я заткнулась.

Ужинали дальше молча. Аппетит пропал.

Да, в нашем мире было много правил. Много правил, которые слишком много запрещали женщинам. В том числе говорить, когда это неудобно.

Я механически ковыряла вилкой остывшее мясо, размышляя о том, что мой единственный талант, который я развила за восемнадцать лет жизни, — это искусство молчать с умным лицом, когда внутри кипит вулкан. Мать, кажется, тоже потеряла интерес к еде — она смотрела в одну точку на стене с таким видом, будто видела там свое собственное будущее, и будущее это было невеселым. Сейчас хоть что-то его сдерживало...

Отец же, напротив, с аппетитом доедал десерт, время от

времени поглядывая на меня с выражением «ну вот, дело сделано, можно жить дальше».

Когда ужин наконец закончился, и отец удалился в свой кабинет — скорее всего, отмечать удачную сделку коньяком, — мать подошла ко мне и положила руку на плечо.

— Серена, — сказала она тихо, почти шепотом, чтобы не услышали слуги. — Я знаю, ты расстроена.

— Расстроена? — я повернулась к ней, и, кажется, в моих глазах впервые за вечер вспыхнуло что-то живое. — Маменька, меня выдают замуж за старика, который годится мне в дедушки. Меня не расстраивают — меня продают. Как корову на ярмарке. Только корову хотя бы спрашивают, какой корм она предпочитает.

Мать вздохнула. В ее глазах мелькнуло понимание, но она тут же опустила взгляд, словно боялась, что я прочитаю в нем слишком много.

— Так устроен мир, дорогая, — сказала она фразу, которую я слышала уже тысячу раз. — Женщины не выбирают. Мы принимаем то, что нам дают.

— А если мне не нравится то, что дают? — спросила я, чувствуя, как голос начинает дрожать от едва сдерживаемой злости. — Если я не хочу принимать?

Мать промолчала.

Она развернулась и направилась к выходу из столовой, но на пороге задержалась.

— Знаешь, — сказала она, не оборачиваясь, — я тоже не

хотела выходить за твоего отца. Мне едва стукнуло восемнадцать, а я любила сына конюха. Твоего деда это не волновало.

— И что? — спросила я в спину уходящей матери. — Что мне делать?

Она обернулась.

— Не знаю, Серена, — сказала она тихо. — Но, ради всего святого, не делай ошибок. За них слишком дорого платить...

История пишется в рамках литмоба!

“ПО
И П

Все истории тут:

<https://litnet.com/shrt/fDD0>

Визуал. Серена Верлен

Глава 2

В комнату я вошла ни живой, ни мертвой. Честно говоря, я подозревала, что, если наступит момент, когда моя жизнь превратится в дешевый любовный роман, это произойдет несколько иначе. Без участия скелета в фамильном склепе и без перспективы стать женой экспоната краеведческого музея.

Горничная Лиззи уже ждала меня — рыжая, веснушчатая и с таким выражением лица, будто она только что подслушала весь ужин, прижавшись ухом к замочной скважине. Впрочем, я не сомневалась, что именно так она и сделала. У Лиззи был талант — она умудрялась знать все сплетни раньше, чем они успевали случиться.

— Ваша светлость, — выдохнула она, снимая с меня верхнее платье с такой скоростью, будто я горела. В принципе, я и горела — от стыда, отчаяния и желания провалиться сквозь паркет прямо в подвал, где хранились соленья. — Я все слышала. Это ужасно.

— Это не ужасно, это катастрофа, Лиззи, — поправила я, падая в кресло лицом вниз, и позволяя ей распутать шнуровку корсета. Легкие наполнились воздухом, и я почувствовала, что еще немного — и я смогу дышать, а не только страдать. — Меня выдают за мумию, которая, по слухам, еще и держит вампира по соседству. Как тебе такой расклад?

— Ну, — девчушка задумчиво накрутила рыжий локон на палец, её зеленые глаза лукаво блеснули, — если выбирать между стариком, который, наверное, уже забыл, зачем нужна супружеская постель, и вампиром... я бы, наверное, выбрала вампира. По крайней мере, он молодой. И, говорят, у них там... темперамент.

Я уставилась на нее с открытым ртом. Я ожидала сочувствия, может быть, даже слез. Но не такого откровенного, почти неприличного...

— Лиззи, ты сейчас серьезно?

— Я просто предлагаю варианты, ваша светлость, — пожала плечами она, ничуть не смутившись. — А еще у вампиров замки в горах. Это романтично. В столице одни сплетни да дожди. А в горах — воздух, сосны и никаких назойливых родственников. Ну, кроме тех, кого ты сама пригласишь на ужин. Если они, конечно, не против проделать столь долгий путь.

Я застонала и закрыла лицо руками. В голове уже рисовалась картинка: я, в платье цвета запекшейся крови, стою на балконе готического замка, а внизу туман и стая волков. Или летучих мышей. Или тех и других одновременно. И все это вместо уютной библиотеки с книгами, куда я пробиралась тайком.

— Я не хочу в горы. Я хочу в библиотеку. Я хочу читать книги, а не учиться тому, как правильно подавать чай старому мужу, который, скорее всего, даже не видит разницы

между мной и чайником. Он, наверное, и чай-то не пьет — только кипяточек для суставов.

— Ну, чайник хотя бы греет, — философски заметила Лиззи, поправляя кружево на моем рукаве. — Простите, ваша светлость, вырвалось.

Я фыркнула. Несмотря на весь ужас ситуации, она умудрялась вытаскивать меня из тоски своим абсурдным чувством юмора. Лиззи была единственным человеком в этом доме, который не смотрел на меня как на дорогую, но бесполезную вазу, которую нужно выгодно пристроить на полку к такому же антиквариату.

— Ладно, — я встала и подошла к окну. Снаружи лил дождь. Казалось, сама природа оплакивала мою помолвку. Или, по крайней мере, выражала свое искреннее сочувствие посредством пасмурной погоды и слякоти. — Что я могу сделать? Сбежать? Меня поймают. Притвориться больной? Отец приведет врача, который подтвердит, что я здорова как лошадь, и засунет меня в карету. Скорее всего, он даже привяжет меня ремнями, чтобы я случайно не выпрыгнула по дороге.

— Можно притвориться сумасшедшей, — предложила Лиззи деловито, — Я слышала, леди Адетт из соседнего поместья так отмазалась от брака с каким-то занудным бароном. Она целый месяц ходила в ночной рубашке по саду и разговаривала с розами. Утверждала, что они отвечают ей на древнеэльфийском.

— И что? — спросила я с надеждой. Может быть, стоило попробовать? Я могла бы разговаривать не с розами, а с пионами. У них хотя бы головы побольше.

— Ее выдали замуж за герцога, который коллекционирует бабочек. Тот еще псих, но богатый. И знаете, что самое смешное? Она теперь с ним счастлива. Он показывает ей свою коллекцию, а она делает вид, что бабочки — это реинкарнации эльфийских принцесс. Он в восторге, она — при должности. Все счастливы.

Я вздохнула. История леди Адетт внушала оптимизм, но не в моем случае. Мой отец был слишком практичен, чтобы поверить в сумасшествие. Он бы просто сказал: «Дурочка, в твоём возрасте все девицы немного с приветом. Это пройдет, как только ты родишь наследника».

— Значит, сумасшествие не вариант.

В этом мире женщин выдают замуж в любом состоянии. Хоть с горячкой, хоть с меланхолией, хоть с периодическими припадками. Лишь бы приданое было хорошее.

Лиззи сочувственно похлопала меня по плечу. Это было вопиющим нарушением этикета, но мне сейчас было плевать. Я чувствовала себя так, будто меня уже закопали заживо, и только ее рыжая голова маячила надгробным памятником, обещая, что все еще не кончено.

— Ваша светлость, — сказала она тихо, в голосе послышалась какая-то таинственная нотка, — я, конечно, всего лишь горничная, но я видела этого графа Рошфора один раз на

ярмарке. Это было года два назад, и зрелище, скажу я вам, было то еще. Он сидел в коляске и кричал на кучера, потому что тот повез его не по той дороге. И знаете что?

— Что? — спросила я, уже боясь ответа.

— У него был такой противный голос, что у меня молоко прокисло в кувшине. А кувшин стоял в трех домах от ярмарочной площади. Три дома, ваша светлость! Я проверяла. Молоко просто взяло и скисло. Я думала, это какое-то проклятие, но нет — просто голос.

Я засмеялась. Горько, нервно, но все же засмеялась.

— Спасибо, Лиззи. Ты хоть немного меня развеселила. Хотя, если честно, теперь я боюсь даже думать о том, как он будет кричать на меня.

— Всегда пожалуйста, ваша светлость. — Лиззи улыбнулась, обнажив ямочки на щеках. — А теперь давайте я расчесу вам волосы и расскажу сплетню, которая сделает этот вечер чуточку менее отвратительным.

Я кивнула, устраиваясь на пуфике перед туалетным столиком. В зеркале отражалась бледная девушка с темными кругами под глазами и растрепанными волосами. Похоже, я выглядела именно так, как и должна выглядеть невеста семидесятидвухлетнего графа — немного потрепанной, немного испуганной и совсем без надежды.

— Валяй, — сказала я, готовясь к очередной порции абсурда.

Глава 3

Девушка взяла щетку с серебряной ручкой и принялась за мои волосы с удивительной нежностью. Она начала рассказывать сплетни про столичных женщин, напряжение начало потихоньку отпускать мои плечи. Ее голос журчал где-то над ухом, убаюкивая, и я почти забыла, что через месяц меня ждет участь хуже смерти.

— ...а герцогиня Вальмон, представляете, ваша светлость, купила новую шляпку. Такую огромную, что она не прошла в дверцы кареты, и ей пришлось ехать на бал с открытым верхом! Представляете? Весь вечер просидела с этой конструкцией на голове, не могла даже повернуться, чтобы потанцевать. Говорят, кавалеры подходили к ней знакомиться, но видели только поля шляпы и слышали голос. Они решили, что она — говорящий абажур. Целый месяц ходили слухи, что император завел себе волшебный светильник, который умеет ругаться на три языка.

Я фыркнула, представив эту картину.

— А что там с виконтессой Бриссак? — спросила я, поворачивая голову, чтобы лучше видеть отражение в зеркале. — Я слышала, она развелась с мужем и уехала в поместье к морю.

— О, ваша светлость, это вообще отдельная история! — глаза Лиззи загорелись огнем настоящего сплетника. — Она

не просто развелась. Она застала мужа в оранжерее с горничной, которая была переодета в ее, виконтессы, платье! И знаете, что она сделала?

— Вылила на них утренний чай? — предположила я.

— Она заперла их в оранжерее и вызвала императорскую стражу с заявлением, что в ее дом проникли воры, которые пытаются украсть ее гардероб! — Лиззи рассмеялась, запрокинув голову. — Графа Бриссака вывели из дома, и вся столица видела, как он пытался объяснить стражникам, что он не вор, а хозяин дома. Стражники ему, естественно, не поверили.

Я захихикала, прикрывая рот ладонью. История была настолько абсурдной, что даже мое отчаяние отступило.

— И чем все закончилось?

— Виконтесса подала на развод, ссылаясь на то, что ее муж пропал без вести, а вместо него в доме появилась странная женщина в кружевах, — Лиззи пожала плечами. — Судья был в таком замешательстве, что утвердил развод просто чтобы не разбираться в этой истории. А виконтесса теперь живет у моря и, говорят, завела себе молодого любовника-рыбака. Она пишет ему стихи про волны и закаты. Рыбак, правда, не умеет читать, но это, кажется, никого не смущает.

— А что говорят про того самого проклятого принца? — спросила я осторожно, косясь на отражение Лиззи.

Лиззи замедлила движения щетки. Ее лицо приняло за-

гадочное выражение, какое бывает у людей, которые знают больше, чем говорят.

— О, ваша светлость, про него ходят такие слухи, что волосы дыбом встают. И не только от страха, но и от любопытства. — Она наклонилась ближе, переходя на заговорщический шепот. — Говорят, что он настолько красив, что женщины теряют сознание при одном взгляде на него. Одна фрейлина, которая видела его в щелочку портьеры, упала в обморок и три дня бредила, что видела ангела. Или демона. Она так и не определилась, но бредила красиво, со стихами.

Я приподняла бровь.

— Похоже на преувеличение. Люди не падают в обморок от красивой внешности. От голода — да. От удара по голове — да. От красоты? Сомнительно.

— Вот и я так думала, пока не услышала историю про баронессу фон Крайц, — Лиззи многозначительно подняла палец. — Она была замужем за старым бароном, и, говорят, у них был уговор: она закрывает глаза на его интрижки, а он закрывает глаза на ее любовников. Все было тихо и мирно, пока баронесса случайно не увидела принца на охоте. Он проезжал мимо, и она выглянула из кареты. И все. С тех пор она не может смотреть на своего мужа без слез. Каждое утро она плачет в подушку и причитает: «Зачем я увидела совершенство, если теперь мне всю жизнь жить с посредственностью?»

Я хихикнула, представив страдающую баронессу.

— Бедный барон.

— Бедная баронесса, — поправила Лиззи. — Она теперь каждое воскресенье ездит в горы, якобы на воды, а на самом деле просто дышит воздухом, которым, возможно, дышал он. Ее муж уже начал подозревать неладное, но она говорит, что у нее аллергия на столичную пыль.

— А что насчет его проклятия? — спросила я, чувствуя, как сердце начинает биться быстрее. — Говорят, он вампир. Или оборотень. Или и то, и другое.

Лиззи пожала плечами.

— Я слышала десять разных версий. Одни говорят, что он пьет кровь девственниц по ночам. Другие — что он обращается в волка и воет на луну, разгоняя крестьян. Третьи — что он просто очень бледный и не выходит на солнце, потому что у него аллергия на солнечный свет. Все слухи, всё сплетни. Но знаете, что я думаю?

— Что?

— Думаю, все эти слухи распускает сам император, — Лиззи понизила голос до едва слышного шепота. — Чтобы никто не совался к его внебрачному сыну, и не пытался заключить с ним союз. Чтобы принц оставался в изоляции, подальше от дворцовых интриг. А на самом деле он, может быть, самый обычный молодой человек, который просто любит тишину и горный воздух.

Я задумалась. В словах Лиззи был смысл. Император — старый лис, он знает, как управлять слухами. Если он хочет

спрятать сына, лучший способ — окружить его ореолом тайны и ужаса. Пусть все думают, что он проклят, — и никто не сунется к нему.

— А теперь... ложитесь отдыхать. Завтра новый день. И посмотрите на это с другой стороны!

— С какой это? — я ворчливо фыркнула.

— Вы скоро уедете отсюда! А граф... кто знает, сколько он еще проживет, да?

Глава 4

Утро встретило меня серым небом и нервной дрожью в животе, которая больше напоминала не бабочек, а целое осиное гнездо, устроившее внутри бурную вечеринку. Я спустилась к завтраку, надеясь перехватить булочку до того, как отец начнет читать нотации, но за столом сидела только мать — и это было настолько необычно, что я замерла на пороге, пытаюсь осмыслить увиденное.

Она выглядела так, будто не спала всю ночь. Под глазами залегли тени. Платье сидело мешком, а волосы были собраны в небрежный пучок, из которого выбивались непослушные пряди. Перед ней стояла остывшая чашка чая, которую она гипнотизировала взглядом, точно пыталась разглядеть на дне не только чайинки, но и ответы на все вопросы мироздания, смысл жизни и, возможно, расписание ближайшего бала.

— Маменька? — осторожно позвала я, присаживаясь рядом. От нее пахло то ли лекарством, то ли какой-то травой.
— Вы не спали?

Матушка вздрогнула и посмотрела на меня.

— Серена, — сказала тихо, голос дрогнул, — я хочу поговорить с тобой до твоего отъезда.

У меня внутри все сжалось. Сердце пропустило удар, а потом забилось где-то в горле, мешая дышать. Я надеялась

избежать этого разговора. Мать никогда не была со мной откровенна — она всегда говорила загадками и недомолвками, будто боялась, что стены имеют уши, а каждое слово может быть использовано против нее (что по сути и было). Она была как запертая комната, в которую я никогда не имела ключа. Но сегодня...

— Я слушаю, маменька.

Она сделала глоток чая, поморщилась и отставила чашку в сторону.

— Ты едешь в поместье графа Рошфора, дорога дальняя, подготовка к церемонии займет какое-то время, но он обещался все устроить сам, — начала она, глядя куда-то сквозь меня, в стену, — Ты будешь его женой. И я хочу, чтобы ты знала... кое-что о замужестве.

Я внутренне приготовилась к нравоучениям о том, что женщина должна терпеть, быть покорной, угождать мужу и не жаловаться. Уже открыла рот, чтобы кивать в такт ее словам и думать о своем, но...

— Если он будет тебя бить — ударь в ответ.

— Что? — переспросила я. Может быть, в утренней тишине мне почудилось? Или я все еще сплю, и это просто странный сон перед свадьбой?

— Не дай ему сломать себя, — продолжила она, — Я позволила твоему отцу сделать это со мной. Я думала, что покорность — это добродетель. Что терпение — это долг женщины. Что улыбка сквозь боль — это благородно. Но я по-

лучила в награду только двадцать лет молчаливых ужинов, одиночество в собственной спальне и мужа, который смотрит на меня как на мебель. Как на кресло, которое стоит в углу и не требует внимания, пока не сломается.

Я молчала. Воздух в комнате загустел. Я боялась спугнуть этот момент откровения, боялась, что, если я скажу хоть слово, мать снова закроется, спрячется за маской покорной герцогини, и я больше никогда не увижу эту женщину — живую, настоящую, полную гнева и боли.

— Когда я выходила за твоего отца, — ее голос стал тише, — мне говорили: «Будь послушной, не перечь, уважай мужа». И я слушалась. Я глотала обиды, я молчала, когда хотелось кричать, я улыбалась, когда хотелось плакать. Я научилась быть удобной. Я стала идеальной. — Она горько усмехнулась, — И стала призраком в собственном доме. Меня не видят. Меня не слышат. Я просто часть интерьера, которую время от времени вывозят в свет, чтобы показать, что у его светлости есть жена.

Я протянула руку и накрыла ее ладонь своей. Пальцы матери были холодными и тонкими, с выступающими венами — руки женщины, которая слишком долго сжимала их в безмолвной ярости. Она вздрогнула, на ее глазах выступили слезы и повисли на ресницах, не позволяя себе спуститься дальше.

— Я не хочу такой судьбы для тебя, Серена. Ты умнее меня. Ты смелее. У тебя есть характер, который ты не боишься

показывать. Не дай ему угаснуть в этом браке. — Она сжала мои пальцы. — Рошфор — старик. Мужчина в его возрасте... непредсказуем. Если с ним что-то случится после вашей свадьбы — ты станешь вдовой. И это не самое страшное, что может произойти с женщиной. С его землями, с его титулом — ты получишь свободу. На какое-то время от тебя отстанут... а потом...

Она замолчала. Я смотрела на нее и впервые понимала, что моя мать — не просто «маменька», не просто бледная тень за обеденным столом. Она была женщиной, которая когда-то мечтала, хотела, надеялась. И которую медленно, год за годом, гасили, как свечу, прикрывая ее от ветра, пока она не зачала и не погасла.

— Маменька... — начала я, но она перебила меня, достав из складок платья небольшую книжечку в потертом кожаном переплете.

— Возьми, — она протянула ее мне, — Это мой дневник. Я вела его все эти годы. Здесь написано все: как я пыталась быть идеальной женой, как я сходила с ума от одиночества, как я ненавидела каждую минуту своей жизни в этом доме. И... еще кое-что... — она запнулась. — Прочитай. Это... надеюсь, это пригодится, и все будет так, как будет.

Я взяла дневник дрожащими руками. Он был теплым.

— Маменька, я не знаю, что сказать...

— Ничего не говори, — она покачала головой и вытерла слезы уголком рукава, — Просто обещай мне, что не позво-

лишь никому стереть себя в порошок. Что ты будешь бороться за свое счастье, за свое тело и за свою душу. И не станешь призраком, как я. Обещай мне, Серена. Обещай, что будешь жить по-настоящему.

Я сжала дневник сильнее.

— Обещаю, — твердо сказала я. — Спасибо, маменька. За все. За этот разговор. За дневник. За то, что рассказали мне правду.

Она кивнула.

— Иди. Давай же... тебе нужно собирать вещи.

Я встала из-за стола, спрятала предмет в складках платья, прижимая его к себе, как самое ценное сокровище, и направилась к двери.

На пороге я все-таки оглянулась.

Мать встала у окна и смотрела на сад, где под дождем мокли кусты роз. Капли стекали по стеклу, искажая ее силуэт, делая его размытым, почти нереальным. Она казалась такой хрупкой и одинокой, что у меня сжалось сердце до боли. Серая, невзрачная фигура на фоне серого, дождливого утра. Она выглядела так, будто растворилась в этом пейзаже и во все стала его частью. Но ведь у нее тоже когда-то была жизнь. Со своими мечтами и надеждами. Со своими желаниями и болью...

«Я ее... выходит, никогда и не знала», — пронеслось в голове.

Глава 5

Меня ждало семь суток в пути.

Последние часы дома. Слезы моей горничной на моем плече застыли едва заметным пятном, единственное напоминание о том, что кто-то действительно будет по мне скучать. Мне не позволили взять ее с собой. «Граф обеспечит тебе прислугу», — отрезал отец, прежде чем захлопнуть дверцу кареты, и я успела заметить в его глазах что-то крайне похожее на облегчение.

Карета мерно покачивалась, и я уже знала каждый стык между досками на потолке. Я пересчитала их тридцать семь раз. Сначала слева направо, потом справа налево, потом в хаотичном порядке, пытаясь найти хоть какое-то развлечение в этом деревянном гробу на колесах.

За окном проплывали однообразные пейзажи: поля, леса, деревушки, снова поля. Иногда я видела крестьян, которые провожали карету взглядами — кто-то с любопытством, кто-то с завистью, кто-то с откровенной жалостью, будто знал то, чего не знала я. И, честно говоря, они наверняка знали. Сплетни в этом королевстве распространялись быстрее чумы из соседнего.

На второй день я перестала смотреть в окно. Начала читать дневник матери.

Я открыла его в первую же ночь, когда мы остановились

на постоянном дворе, и не могла оторваться до самого утра. Я читала при свете одинокой свечи, пока глаза не начали слезиться, а пальцы не запачкались о выцветшие чернила. И то, что я прочитала, перевернуло мое представление о собственной семье с ног на голову, а потом еще и встряхнуло для верности.

Моя мать... она была совсем не той покорной овечкой, которую я знала.

«Дорогой дневник, сегодня я снова прокляла тот день, когда согласилась выйти за герцога. Если бы я знала, что он храпит как медведь с большими зубами, я бы сбегала в монастырь. Или в цирк. В цирке хотя бы весело».

Я усмехнулась.

«Он считает, что я должна быть благодарна за то, что он одарил меня своим именем. Ха. С тем же успехом я могла бы выйти замуж за капустный кочан — от него хотя бы польза в супе».

Куда делась эта дерзость после?

«Сегодня я узнала, что у него есть любовница. И знаешь что, дневник? Мне все равно. Абсолютно. Я бы сама завела любовника, если бы могла найти мужчину, который не боится моего мужа и у которого нет проблем с желудком. Но увы, в нашей провинции выбор небогат».

Я хихикнула, читая эти строки. Моя мать, оказывается, была остроумной, язвительной и совсем не такой смиренной, какой себяставляла. Она просто научилась прятать

свой характер за маской покорности, потому что это было безопаснее.

Но дальше пошли записи, от которых у меня перехватило дыхание.

«Год 1543, осень. Сегодня я встретила ЕГО. Он был в поместье моего кузена, приехал по делам. Высокий, темноволосый, с глазами цвета зимнего неба. Когда он посмотрел на меня, у меня подкосились ноги. Я не чувствовала ничего подобного со времен своей юности. Он улыбнулся, и я поняла, что пропала».

«Мы встретились в саду. Это было безумием. Если бы кто-то узнал, меня бы заперли в башне до конца дней. Но я не могла устоять. Его руки на моей талии, его губы на моей шее... я чувствовала себя живой впервые за десять лет брака».

«Он уехал. Я думала, что умру от тоски. Но он обещал вернуться. И я жду. Как дура, как девчонка, я жду, когда он снова появится в моей жизни».

Я перевернула страницу дрожащими руками.

«Он вернулся. Мы снова встретились. И снова, и снова. Я знаю, что это грех. Я знаю, что я нарушаю все мыслимые и немыслимые заповеди. Но когда я с ним, я чувствую, что я не просто мебель. Я — женщина. Живая, страстная, любимая».

Я захлопнула дневник, чувствуя, как горят щеки. Моя мать... у нее был любовник. И судя по тону записей, это был

не мимолетный роман, а что-то глубокое, настоящее и очень опасное.

Я посмотрела на обложку дневника с новым уважением. И с новым страхом. Если отец когда-нибудь узнает...

Может, поэтому она отдала его со мной? Чтобы не узнал?

Просидев еще с полчаса, я снова его открыла. Прочитала еще несколько страниц, надеясь найти имя этого таинственного незнакомца, но мать была осторожна. Она называла его просто «Он». «Мой возлюбленный». «Тот, кто вернул мне желание жить». Ни намека на внешность, кроме «глаз цвета зимнего неба», и ни одного чертового имени. Я вздохнула и отложила дневник на колени, чувствуя, как разочарование смешивается с любопытством.

— Ну, маменька, вы умеете интриговать, — пробормотала я, глядя в потолок кареты. — Шпионы в нашем роду были? Или вы просто боялись, что кто-то найдет дневник и прочитает?

Четвертая ночь на постоялом дворе выдалась беспокойной.

Мне снился сад. Не тот ухоженный, с подстриженными кустами и ровными дорожками, что был у нас в поместье, а дикий, заросший, с высокими деревьями, где ветви сплетались над головой, образуя живой свод. Воздух был напоен запахом влажной земли и цветущего жасмина, а где-то вдалеке пел соловей. Луна, полная и яркая, заливала все серебри-

стым светом, от которого трава казалась расплавленным металлом, а тени деревьев — причудливыми существами, затаившимися в ожидании.

И в этом саду стоял ОН.

Темноволосый мужчина, высокий и статный, с резкими чертами лица. Его глаза — холодные и пронзительные, как зимнее небо перед снегопадом — смотрели прямо на меня, и в них было столько тоски и нежности, что у меня перехватило дыхание. Он протягивал ко мне руки, я видела, как дрожат его пальцы, как напряжены его плечи, будто он сдерживает себя из последних сил, чтобы не броситься ко мне.

И я побежала.

Я бежала к нему, путаясь в подоле ночной сорочки, чувствуя, как сердце выпрыгивает из груди, как кровь стучит в висках, заглушая все звуки вокруг. Воздух обжигал легкие, ноги скользили по мокрой траве, но я не останавливалась. Я должна была добраться до него. Я должна была коснуться его.

Я бежала, и расстояние между нами сокращалось. Я уже видела каждую складку его темного камзола, каждую прядь волос, упавшую на высокий лоб, каждую морщинку вокруг его глаз. Я протянула руку, чтобы коснуться его щеки, чувствуя, как тепло разливается по груди в предвкушении...

Как он исчез.

Рассыпался серебристой пылью, она взметнулась в воздух и осела на моих ладонях холодным прахом. Я закричала, но

звук застрял в горле, превратившись в жалкий всхлип. Попыталась собрать серебристые частицы, сжать их в кулаке, удержать, но они просачивались сквозь пальцы, таяли в лунном свете, пока не исчезли совсем.

А потом я проснулась.

Сердце колотилось так, что я слышала его удары в ушах — глухие, частые, как барабанная дробь перед казнью. Ночная рубашка прилипла к телу от пота, волосы растрепались и прилипли к вискам, в горле пересохло, а в груди разливалось странное чувство потери — тягучее, горькое, будто у меня отняли что-то бесконечно важное. Что-то, чего я никогда не имела, но о чем подсознательно тосковала всю жизнь.

Я села на кровати, обхватив колени руками, и попыталась унять дрожь. Образ темноволосого мужчины все еще стоял перед глазами, и я с ужасом осознала, что узнаю эти черты. Те же глаза, что и у матери в дневнике. Те же глаза, которые она описывала с такой страстью и болью.

Мой настоящий отец.

Человек, которого я никогда не знала. Который, возможно, даже не подозревал о моем существовании. Или, наоборот, знал, но по каким-то причинам не мог признать меня. Тайный любовник моей матери, причина ее слез и ее единственная радость в мире, где она была всего лишь мебелью.

Я сжала край простыни с такой силой, что побелели костяшки пальцев.

«Если бы они были чуточку смелее... — пронеслось в го-

лове. — Если бы мать решилась сбежать с ним, если бы он забрал ее, если бы у них хватило смелости бросить вызов обществу и отцу... у меня было бы совершенно иное детство. Иное будущее. Иная жизнь».

Но они не решились. Мать осталась в золотой клетке, проглатывая обиды и улыбаясь сквозь слезы. А мой настоящий отец — кто бы он ни был — исчез из ее жизни, оставив после себя лишь воспоминания и, возможно, чувство вины.

— Прекрати, Серена, — приказала я себе голосом, который предательски дрожал. — Это всего лишь сон. Твой раздрыганный, уставший мозг просто переваривает прочитанное. Амурные страсти матери, наложенные на твою нервозность, дали такой эффект. Никакой мистики, никакого зова крови, никаких тайных знаков.

Я рывком поднялась с кровати, подошла к умывальнику и плеснула в лицо холодной водой из кувшина. Она оказалась ледяной — видимо, на улице крепчал мороз, — и я взвизгнула, почувствовав, как тысячи иголок впиваются в щеки. Но это помогло. Сонная одурь отступила, разум прояснился.

Я вытерлась полотенцем, жестким и пахнущим мылом, и посмотрела на свое отражение в мутном зеркале, которое висело над умывальником. Стекло было старым, с разводами и пузырьками, мое лицо в нем казалось размытым, чужим, будто я смотрела на себя сквозь толщу воды.

— Ты справишься, — сказала я своему отражению, стараясь, чтобы голос звучал уверенно.

Уверенно, черт возьми!

Отражение не ответило, но я продолжила, потому что остановиться значило признать, что я боюсь. А я не могла себе этого позволить. Не сейчас.

— Ты — дочь герцога. — Я скривилась. — Или нет. Но ты точно та, кто не сдается. Ладно, — я вздохнула и отвернулась от зеркала, начиная одеваться. — Пора в путь. Незнание не будет ждать вечно.

Пальцы дрожали, когда я затягивала шнуровку платья, от нервного напряжения. Я думала о графе Рошфоре и, возможно, о коллекции женских чулок в его подвале. Я думала о матери, о ее дневнике и о таинственном незнакомце с глазами цвета зимнего неба. Я думала о замке на скале и о принце, которого все называют проклятым.

Я закончила одеваться, засунула дневник поглубже в складки платья и вышла из комнаты.

Внизу меня ждал остывший завтрак и возница.

— Доброе утро, — сказала я ему с предельно беззаботной улыбкой. — Прекрасный день, не находите?

Он только вздохнул и перекрестился. Правильно сделал. Никакое оно не доброе.

Арт. Глава 5

Глава 6

На седьмой день пути, когда карета въехала в предгорья, я заметила, что пейзаж начал меняться. Деревья стали выше, воздух — чище и холоднее, а дорога — извилистее. Мы поднимались все выше, и я чувствовала, как закладывает уши.

— Скоро будем на месте, ваша светлость, — сообщил возница, когда я высунулась в окно, чтобы глотнуть свежего воздуха. — Еще пара часов.

Пара часов. У меня было всего пара часов, чтобы собраться с мыслями, успокоить сердце и решить, что я буду делать, когда встречу своего «жениха».

Я снова открыла дневник, пролистнула несколько страниц вперед и наткнулась на запись, датированную всего несколькими месяцами назад.

«Дорогой дневник, сегодня я узнала, что мою дочь выдают за графа Рошфора. Я едва не закричала в голос, когда услышала эту новость. Я знаю этого человека. Я знаю, что он делает со своими женами. Я не могу позволить этому случиться. Я должна что-то сделать. Я должна спасти ее».

Сердце пропустило удар.

«Я написала письмо. ЕМУ. Единственному, кто может помочь. Я умоляла его вмешаться, использовать свое влияние, сделать хоть что-нибудь. Я не знаю, дойдет ли письмо.

Я не знаю, захочет ли он помочь. Но я должна попробовать. Ради нее. Ради нашей дочери».

Я замерла.

Нашей дочери?

Я перечитала строку снова. И снова. И снова, пока буквы не начали расплываться перед глазами.

«Ради нашей дочери».

Мать называла меня «нашей дочерью». Ее и ЕГО.

Я медленно опустила дневник на колени и уставилась в потолок кареты, где деревянные доски образовывали причудливые узоры, похожие на карту звездного неба. Или на карту моей жизни, которая только что перевернулась с ног на голову.

— Ох, маменька, — прошептала я в пустоту кареты. — Что же вы натворили?

Карета дернулась, объезжая очередной ухаб, я чуть не выронила дневник. Поймала, прижала его к груди, чувствуя, как под кожей пульсирует кровь, а в голове роятся тысячи мыслей, каждая безумнее предыдущей.

Если я не дочь герцога, то кто я? Если мой настоящий отец — тот самый таинственный незнакомец с глазами цвета зимнего неба, то почему мать никому не рассказала? И самое главное — кому она написала то письмо? Кто этот человек, который может спасти меня от брака с графом Рошфором?

Я посмотрела в окно. Горы становились все выше, а небо — все темнее. Где-то вдаль, на вершине скалы, показались

очертания замка. Мрачного, величественного, с остроконечными башнями, которые, казалось, пронзали облака.

— Это и есть поместье графа? — спросила я у возницы, высунувшись в окно, ожидая отрицательный ответ. Не может же он быть НАСТОЛЬКО богат?

— Нет, ваша светлость, — ответил он, со странной ноткой в голосе. — Это замок проклятого принца. Дорогу к поместью графа мы миновали еще в долине.

Что? Мы... пропустили поворот? Почему тогда карета не остановилась?

Я замерла, не веря своим ушам.

— Простите? — переспросила я, высунувшись из окна едва ли не наполовину. — Что значит «мы миновали дорогу к поместью графа»? Куда мы тогда едем?

Возница не обернулся. Но я заметила, как его плечи напряглись, а голос стал каким-то... виноватым?

— Приказано доставить вас в замок проклятого принца, ваша светлость, — сказал он, — Таков был приказ вашей матушки.

Я открыла рот. Закрыла. Открыла снова.

— Моей... матушки?

— Так точно. Она передала мне письмо и приказ еще до вашего отъезда. Сказала, что, если я хочу сохранить голову на плечах и не познакомиться лично с семейным склепом Верленов, я должен сделать так, как она велит. А велит она — везти вас к принцу.

Я медленно опустила обратно на сиденье. Моя мать — тихая, покорная, сломленная мать — спланировала мой побег? Она подкупила возницу? Она отправила меня не к графу, а к проклятому принцу?

Я посмотрела на дневник, все еще сжатый в руках, и до меня начало доходить.

«Я написала письмо. ЕМУ. Единственному, кто может помочь».

Она написала проклятому принцу? Она попросила его о помощи? И он согласился? Незнакомец с глазами цвета зимнего неба... мог ли им быть он? Нет-нет, он ведь молод. Это не может быть правдой. А может принц — это совершенно другой человек, который просто решил поучаствовать в судьбе незнакомой девушки?

Я почувствовала, как на губах заиграла нервная улыбка.

«Вот же... черт...»

Карета тем временем свернула на узкую дорогу, петляющую между скалами. Вокруг становилось все мрачнее и величественнее: серый камень, поросший мхом, корявые сосны, цепляющиеся корнями за уступы, и туман, который стелился по земле плотным одеялом. Если бы я была героиней романа, сейчас самое время было бы сказать что-то вроде: «Здесь даже воздух пропитан тайной».

— Ваша светлость! — крикнул возница, и я снова высунулась в окно.

— Да?

— Мы почти на месте!

Я выглянула и замерла.

Замок проклятого принца возвышался на скале, вырастая из земли. Он был мрачным, суровым, с острыми шпилями, уходящими в низкие тучи, и узкими окнами, похожими на щели для стрельбы из лука. Вокруг клубился туман, делая его похожим на декорации к страшной сказке.

— Выглядит... приветливо, — пробормотала я. — Прямо как фамильный склеп, только с башнями.

Возница хмыкнул, но ничего не ответил.

Совсем вскоре карета остановилась у массивных ворот. Я глубоко вздохнула, поправила платье, пригладила волосы (которые за эти дни пути превратились в нечто неопишное) и взяла себя в руки.

— Ну, — сказала я вслух, — либо я сейчас войду в этот замок и очарую проклятого принца, либо меня съедят. Третьего не дано.

Я слышала, как возница спрыгнул с места, как прошелся по земле громкими тяжелыми шагами. А потом открыл мне дверцу, что со скрипом поддалась.

— Прибыли, ваша светлость!

Глава 7

Меня никто не встретил. Как очевидно, мило и забавно. После того, как мою большеголовую физиономию с любопытством обнюхал местный кот — тощий, черный, с янтарными глазами и таким видом, будто он здесь главный, а я так, непрощенная гостья (что так и было), — и счел меня недостойной дальнейшего внимания (фыркнул и ушел), я поняла, что придется действовать самой. Пришлось идти к высокой мрачной двери и входить.

Дверь со скрипом поддалась — так драматично, будто ее специально не смазывали для создания подобающей атмосферы. Я засунулась внутрь наполовину, готовая бежать отсюда, если что, и крикнула:

— Ау! Есть кто?

Тишина. Даже эхо не ответило, хотя я специально подождала пару секунд, давая ему шанс.

Я постояла еще минуту, вслушиваясь в безмолвие. Тихо. Подозрительно тихо. Настолько тихо, что я слышала, как где-то в глубине коридора мерно капает вода — кап, кап, кап — и как мое собственное сердце колотится где-то в горле, пытаюсь пробиться наружу через глотку.

— Ладно, — сказала я себе, стараясь, чтобы голос звучал бодрее, чем я себя чувствовала. — Про меня забыли. Очень любезно с их стороны. Может, тут никто не живет? Может,

это замок-призрак, а принц — просто слух, который распустили, чтобы заманивать авантюристов?

Я толкнула дверь шире. Она отворилась с протяжным стоном, и я вошла внутрь.

Но внутри замок оказался... ну, не таким уж мрачным, как в моей голове, и как казалось с самого порога.

Да, стены были каменными, а потолки — высокими, теряющимися в полумраке, но на полу лежали пушистые ковры — мягкие, с высоким ворсом, в которые ноги утопали по щиколотку. На стенах висели гобелены с изображением горных пейзажей. А в углах стояли живые цветы в горшках — розы, лилии, какие-то незнакомые мне растения с яркими бутонами. Кто-то явно заботился об уюте, и этот кто-то определенно не был призраком.

Я прошла через холл, чувствуя себя нашкодившей кошкой, которая забрела в чужой дом. Заглянула в несколько комнат — пусто.

Библиотека? Пусто, хотя на полках теснились сотни книг, и я с трудом подавила желание остаться там и провести остаток жизни, уткнувшись носом в фолианты. Авось, никто бы меня и не заметил.

Гостиная? Пусто, но в камине тлели угли, а на столике стояла нетронутая чашка чая — еще теплая, я проверила, коснувшись пальцами фарфора. Кто-то был здесь совсем недавно и просто... исчез. А может, ее оставили для меня?

Вряд ли. Пусто, но хотя бы тепло. И это было чертовски

соблазнительно после многочасового путешествия по холодным горам.

Я сбросила плащ, он был тяжелым, промокшим от вечерней сырости, и с облегчением повесила его на спинку кресла. Подошла к камину, протянув руки к огню. Пламя лизало поленья, отбрасывая золотистые блики на стены, тепло разливалось по пальцам, проникая под кожу, растапливая ледяные иголки, которые, казалось, засели в костях. Они начали оттаивать, и я почувствовала, как напряжение медленно отпускает плечи, словно кто-то снял с них тяжелый груз.

— Ау! — крикнула я снова, на всякий случай, повернувшись лицом к лестнице. — Есть кто живой? Я ваша гостья! Или... не знаю, кто я тут по плану! Может быть, новая домоправительница? Или таинственная незнакомка, которая принесла вам пророчество? Выбирайте, я не привередливая!

Тишина. Эхо, кажется, снова игнорировало меня из принципа.

— Я могу подождать! — добавила я, повышая голос. — Но, если вы не выйдете, я начну рыться в ваших вещах! Предупреждаю! Я начну с библиотеки, потом перейду к спальне, а там, глядишь, и до потайных комнат доберусь! У меня нюх на тайны!

Я сделала паузу, прислушиваясь. Ничего. Только треск поленьев и стук моего сердца.

— И я читаю чужие дневники! — добавила я для убедительности. — Это мое хобби! Я очень хороша в этом!

И тут я наконец услышала шаги.

Они раздавались откуда-то сверху, с лестницы, которая вела на второй этаж. Мерные, спокойные, с легким поскрипыванием половиц. Кто-то спускался, не торопясь, с грацией хищника, который знает, что добыча никуда не денется. Будто у него было все время мира, и он собирался использовать каждую секунду для драматического эффекта.

Я обернулась, затаив дыхание.

«Он» появился из полумрака лестничного пролета, и я на мгновение забыла, как дышать.

Высокий — выше меня на голову, а то и на две — с бледной кожей, которая, казалось, никогда не видела солнца, но при этом не была болезненной, а скорее напоминала фарфор, подсвеченный изнутри. Черные как ночь волосы — не просто темные, а именно черные, с синеватым отливом, словно вороново крыло — падали на плечи небрежными волнами.

Но самое поразительное были его глаза. Разного цвета. Один — золотой, теплый, с искорками, словно расплавленный мед; другой — серебряный, холодный, как лед на горном озере. Они смотрели на меня с любопытством и легкой насмешкой.

На нем была простая белая рубашка с расстегнутым воротом, открывавшая ключицы и начало груди, и темные брюки, заправленные в высокие сапоги. Он выглядел так, будто только что встал с постели — или из гроба, я не была увере-

на, — и не успел привести себя в порядок.

Я почувствовала, как по спине пробегают мурашки.

Даже растрепанным он был... красивым. Очень красивым. Настолько красивым, что я на секунду забыла, как дышать, а потом вспомнила и сделала это слишком шумно, всхлипнув воздух.

А слухи-то были правы. Ох, как же они были правы. Надо будет при встрече поцеловать Лиззи в лоб за ее пронизательность... если когда-нибудь ее увижу.

— О, — сказал он, останавливаясь на нижней ступеньке и окидывая меня взглядом с головы до ног. Его разноцветные глаза скользнули по моему растрепанному виду, по мокрому плащу, по грязным ботинкам, по выбившимся из прически волосам. — Вы все-таки приехали. Я подумал, это была шутка.

— Моя матушка, — я прочистила горло, пытаюсь вернуть голосу уверенность, но он предательски дрожал, — редко шутит. По крайней мере, в письмах. Она больше по драматическим откровениям и тайнам, которые переворачивают жизнь с ног на голову. — Я запнулась, чувствуя, как слова путаются в языке. — Вы... Эм... как бы это сказать... я не знаю, как подобрать слова, чтобы не обидеть вас и не выставить себя полной идиоткой, но...

Он моргнул. Золотой и серебряный глаза синхронно сузились, и на его губах появилась тень усмешки.

— Я не ваш отец, — отрезал он.

Я поверила ему сразу и безоговорочно.

— Фуф! — несдержанно выдохнула я, совершенно забыв о манерах, и схватила за сердце. — Слава всем богам, которых я не чту! Потому что это было бы крайне неловко. Я уже настроилась на драматическую сцену узнавания, со слезами и объятиями, а вы, знаете ли, не похожи на человека, который любит обниматься с незнакомками. По крайней мере, с такими растрепанными и грязными, как я.

— Это многое объясняет, — медленно произнес он. — И многое ставит под вопрос. Например, мое психическое здоровье, раз я все еще стою здесь и слушаю вас, вместо того чтобы выставить за дверь. Назовите хоть одну причину, почему я не должен этого сделать?

— О, не волнуйтесь, — махнула я рукой, чувствуя, как к лицу приливает румянец. — Я сама уйду, если вы скажете, что я ошиблась замком. Но перед этим... — я полезла в складки платья и вытащила дневник матери, помахав им в воздухе, как флагом капитуляции. — Не могли бы вы взглянуть на это? Тут есть кое-что, что, возможно, прояснит ситуацию.

Он посмотрел на дневник, его разноцветные глаза расширились. На мгновение мне показалось, что я увидела в них узнавание.

— Откуда это у вас? — спросил он, и в его голосе появились стальные нотки.

— Мама дала, — ответила я, чувствуя, как сердце снова

начинает колотиться. — Перед моим отъездом. Сказала, что это убережет меня от ее ошибок.

Он молчал долгую минуту, глядя на дневник. Потом шагнул вперед, и я инстинктивно отступила на шаг, но он остановился, протянув руку.

— Дайте сюда, — сказал он тихо. — Я сам посмотрю.

Я колебалась лишь мгновение, а затем протянула ему предмет. Его пальцы сомкнулись на обложке, и я заметила, что они дрожат — едва заметно, но я видела.

«Кажется, — подумала я, глядя, как он бережно держит дневник матери, будто это величайшая драгоценность в мире, — я попала точно по адресу».

Визуал. Адриан Винтерфельд

Глава 8

Я стояла посреди комнаты, которая, судя по всему, должна была стать моим временным пристанищем, и пыталась осмыслить произошедшее. Комната, к слову, была роскошной. Вычурной до неприличия: кровать

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.